

Л. Ю. Полянская

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ (на примере Среднего Поволжья)

*Работа представлена кафедрой истории и права
Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.
Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор Л. Ю. Федосеева*

Статья посвящена проблеме ликвидации неграмотности в советской деревне Среднего Поволжья по окончании восстановительного периода. Рассматривается преемственность и новаторство в методах ликвидации неграмотности по сравнению с начальным периодом НЭПа.

The article is devoted to the problem of illiteracy elimination in the soviet village of the Middle Volga region after the reconstruction period. The article observes succession and novelty of the illiteracy elimination methods in comparison with the first period of the NEP.

Ликвидировать неграмотность к 10-летию революции, как планировалось в 1923 г., не удалось. Это было связано с мобилизацией сил и средств страны на восстановление хозяйства и переход на рельсы мирной жизни. В 1927 г. по уровню грамотности СССР занимал 19-е место в Европе, уступив Испании, Болгарии, Литве, Латвии, Эстонии, не говоря уже о таких передовых странах, как Германия, Франция.

Результаты переписи населения 1926 г. показали, что неграмотность в советской деревне оставалась высокой. Если говорить о Средне-Волжском районе, то по переписи 1926 г. здесь проживало 10268,2 тыс. человек, из которых 9097,5 тыс. (88,6%) приходилось на долю жителей сельской местности. Эти показатели превышали аналогичные по всему СССР (82,1%). Только 32,9% сельских жителей Среднего Поволжья были грамотными. Особенно низкой была грамотность нерусского населения: среди мордвы ее показатели составляли 17%, среди татар – 27,6%¹. «Если в больших городах безграмотность охватывает лишь отдельные участки, в деревне, в таких областях, как Центрально-Черноземная,

Средне-Волжская, в большинстве национальных областей безграмотность – такое социальное зло, которое вяжет по рукам и ногам»². Наиболее высокие показатели грамотности приходились на долю Оренбургской (37,5%) и Ульяновской (35,6%) губерний³.

К числу грамотных относились лица, которые разбирали печатные слова, хотя бы по слогам, и могли подписывать свою фамилию. Нерусские народы относились к числу грамотных на языке своей народности, если их народность имела свою письменность.

Одной из главных причин высоких показателей неграмотности среди сельского населения было ослабление внимания на местах к вопросам ликвидации неграмотности. При обследовании 125 губернских, областных и окружных комитетов ВКП (б) в октябре 1927 – марте 1928 г. выяснилось, что в 33 организациях, в том числе в Ульяновском губкоме, вопросы культпросветработы вовсе не обсуждались⁴.

Еще одной причиной трудностей в преодолении неграмотности являлось непрерывное пополнение рядов неграмотных

подростками. Неграмотность приходилась в основном на бедняцкие слои населения. Экономистами И. Верменичевым, А. Гайстером, Г. Раевичем была изучена зависимость между экономической состоятельностью и уровнем грамотности крестьянских дворов в Самарской губернии. Данные обследования показали, что грамотность в деревне росла пропорционально состоятельности крестьянских хозяйств (табл. 1).

Таблица 1
Зависимость грамотности сельского населения от экономической мощности крестьянских хозяйств⁵

Группа хозяйств по стоимости средств производства, руб.	На 100 человек приходилось грамотных мужчин
250	18,6
250–500	20,6
500–1000	23,8
Свыше 1000	28,3

Для эффективного решения проблемы неграмотности сельского населения было принято постановление СНК РСФСР «Об операционном плане по ликвидации неграмотности на 1927–28 учебный год», в котором предлагалось усовершенствовать программы по ликвидации неграмотности⁶. Предусматривалось активное расширение сети клубов, изб-читален.

Многие факторы, тормозившие процесс ликвидации неграмотности на селе в восстановительный период перекочевали и во вторую половину 1920-х гг.. Среди них – нехватка материальных средств, квалифицированных кадров, сезонный характер обучения в школах грамоты, когда ликбез-работа напрямую была связана с циклом сельскохозяйственных работ на селе.

В силу существовавших условий задачей советского государства становилось осуществление широкомасштабного наступления на неграмотность при минимальных расходах и в сжатые сроки, поскольку объявленная в 1928 г. первая пятилетка без

элементарно грамотных работников, в том числе и на селе, не могла быть выполнена. Ликвидация неграмотности на селе, как отмечал М. И. Калинин, способствовала бы решению проблемы неграмотности в городе «...естественным, нормальным путем, потому что приток новых сил, нового людского материала в город был бы грамотным»⁷.

Решить эту задачу должен был культурный поход с активным участием молодежи и грамотных граждан⁸. Немаловажной задачей культпохода стало привлечение общественных средств на борьбу с безграмотностью: «Нужен массовый подход и участие всех партийных, профсоюзных, комсомольских и других организаций... Провести сбор средств на ликвидацию безграмотных (пожертвования, кружечный сбор, ...постановки спектаклей и т. д.)»⁹.

Фонд культпохода складывался на 2,5% от займа индустриализации, на 20% – от культурфонда профсоюзов и на 30% – от культурфонда кооперации. Еще одним источником финансирования являлись средства, полученные в результате проведения субботников, специального крестьянского самообложения, основную тяжесть которого несло наиболее зажиточное сельское население.

Сроки проведения культпохода установлены не были. Его завершением должен был стать всесоюзный субботник, намеченный на начало 1929 г. Знакомство с документами того периода позволяет сделать вывод, что советское руководство возлагало огромные надежды на проведение культпохода как на универсальный метод борьбы с неграмотностью¹⁰.

Реальная картина оказалась иной. «Культпохода на местах нет. Ликпункты не открыты, общественники-ликвидаторы не завербованы. Положение с культпоходом внушает серьезные опасения за успешное выполнение намеченного», – такая оценка происходящему давалась в письме председателю Средне-Волжской краевой Особой

комиссии по культпоходу, адресованному нижестоящим комиссиям¹¹.

Сомнения относительно эффективности проведения культпохода читаются и в «Докладной записке в секретариат Самарского окружного комитета ВКП(б)»: «Участие комсомола слабое. Комсомольцы обучают только 800 человек»¹².

Идея культпохода явилась обращением к методам борьбы с неграмотностью 1920-х гг. Ставка снова делалась пусть на малоквалифицированных, но идейных граждан, которые должны были взять на себя материальное обеспечение борьбы с неграмотностью.

В Пензенском округе в 1928–1929 гг. было организовано 342 ликпункта. Развернулось активное движение по привлечению в члены общества «Долой неграмотность!» (ОДН) рабочих и крестьян. К 1929 г. в Пензенском округе функционировало 450 ячеек ОДН. Из 12,5 тыс. их членов доля крестьян составляла 6 452 человека¹³. На селе упор делался на борьбу с неграмотностью среди бедняков и батраков, крестьянок. «Надо дать знания не деревне вообще, а главным образом бедняцким и середняцким слоям: дать грамотность, дать умение вычислять, дать знания законов советских, дать умение пользоваться книгой и газетой», – полагала Н. К. Крупская¹⁴.

В Пензенском округе был проведен трехмесячник по сбору средств от населения и предприятий на нужды ликвидации неграмотности. По данным Пензенского окружного совета ОДН, в 1928–1929 г. на долю общественных средств приходилось 70%¹⁵.

За год в Пензенском округе было обучено 30 969 человек, из которых на средства общественности – 21080¹⁶. Планировалось же обучить 37 тыс. человек. Недовыполнение плана произошло за счет деревни, где не удалось привлечь к учебе большое количество батраков, бедняков, женщин, на ликвидацию неграмотности которых должно было быть обращено перво-

очередное внимание. В Самарском округе за счет общественности обучалось более 60% неграмотных¹⁷. По Средне-Волжской области из 181 тыс. обученных за счет средств бюджета ликвидировали неграмотность 35 тыс. человек, а на средства общественных организаций было обучено 65 тыс.¹⁸ В 1927 г. средний расход государства на одного неграмотного составил 15 рублей, а в 1929 г. – 2 рубля¹⁹. Таким образом, государство осуществляло борьбу с «вредным традиционным убеждением», что «ликвидация неграмотности – дело государства»²⁰.

Однако результаты борьбы за грамотность оставляли желать лучшего. На Всесоюзном совещании по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства в 1928 г. было отмечено, что работа по ликвидации неграмотности по всей стране «находится в угрожающе неблагоприятном состоянии»²¹. Во многом это было связано с погоней за количественными показателями в ущерб качественным, методической ограниченностью в работе со взрослыми, нехваткой книг и пособий, рассредоточенностью сельского населения.

Стремясь максимально сократить государственные расходы на борьбу с неграмотностью и одновременно повысить ее эффективность, советское руководство задалось целью поставить культпоход под свой контроль, что отразилось в Постановлении СНК РСФСР «О мерах по ликвидации неграмотности и малограмотности и об утверждении плана работы на 1929–30 год». Наркомпросу, его местным отделениям предлагалось создать на местах комиссии по ликвидации безграмотности, восстановить поквартальные отчеты Наркомпроса о мерах по проведению ликвидации безграмотности²².

Выводы об итогах культпохода содержатся в «Протоколе заседания бюро Пензенского окружного комитета ВКП(б)», в котором, наряду с определенными успехами отмечен ряд недостатков: слабое качество обучения,

«слабость постановки политико-воспитательной работы в ликпунктах вообще и политчаса в особенности»²³. Указывались и виновные такой низкой эффективности: в качестве ликвидаторов привлекались люди без «внимания к классовому отбору... в их числе оказались лишенцы и кулаки»²⁴. Избежать таких классовых перекосов предлагалось посредством усиления идеологического контроля со стороны парткомитетов и комячеек за проведением политчасов, организации для этого специальных работников.

Создание колхозов и совхозов на селе невозможно было осуществлять без специалистов. Сельское же население зачастую не имело элементарной грамотности. В этих условиях была поставлена следующая задача: «темпы ликвидации неграмотности не только не должны отставать от темпа коллективизации, но они должны их превзойти, в этом одна из важнейших задач по социалистическому переустройству деревни»²⁵.

Культпоход принял форму шефской работы города над селом. Организуют свою деятельность на селе культбригады. Культбригады помогали избам-читальням, библиотекам, клубам, осуществляли идеологическую работу в деревне, направленную на пропаганду колхозного строительства²⁶.

Главным результатом деятельности культпохода стало внедрение в сознание деревенского населения понимания необходимости получения грамоты. Удалось изменить ситуацию на селе, которая была характерна для начала 1920-х гг., когда «главной причиной, вызывающей малую посещаемость школ учащимися» явилось «отсутствие сознания необходимости образования»²⁷, когда расхожим убеждением было следующее: «нужно учить пасти стадо, а не баловать по школам», а частым явлением было «бегство учителей из школ при всяком удобном случае»²⁸.

В конце 1920-х гг. убеждения в деревне поменялись: «Все наши трудности на селе упираются в темноту, невежество и неграмотность, как в первую и основную причину всех причин»²⁹.

Культпоход как один из методов борьбы с неграмотностью, несомненно, был результативен. В целом, линия государственной политики в области ликвидации неграмотности во второй половине 1920-х гг. приобретала все более яркую идеологическую направленность в сочетании с политическим давлением и администрированием. Эта тенденция, наряду с минимизированием государственного финансирования, повлекла за собой постепенное схождение культпохода на нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федорова Н. А. Сельское население Среднего Поволжья накануне коллективизации (опыт социально-демографического изучения). Казань, 1990. С. 47.

² За грамоту. 1928. № 10–11. С. 1.

³ Федорова Н. А. Указ. соч. С. 47.

⁴ Народное просвещение. 1929. № 1. С. 90.

⁵ Верменичев И., Гайстер А., Раевич Г. 710 хозяйств самарской деревни. М., 1927. С. 69, 134.

⁶ Директивы ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании. М.-Л., 1947. С. 126–127.

⁷ Калинин М. И. О вопросах социалистической культуры. М., 1938. С. 61.

⁸ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.р. – 429. Оп. 1. Д. 146. Л. 26.

⁹ Там же. Л. 26–27.

¹⁰ Государственный архив социально-политической истории Самарской области (ГАСПИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 360. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² ВЛКСМ в резолюциях съездов и конференций (1918–1928). М.-Л., 1929. С. 347–348.

¹³ Винокуров Г. Ф. Ликвидация неграмотности на территории Пензенского края // Очерки истории народного образования Пензенского края / Под ред. В. И. Никулина. Пенза, 1997. С. 213.

¹⁴ *Крупская Н. К.* Для чего нужна грамота. М., 1929. С. 13.

¹⁵ *Винокуров Г. Ф.* Указ. соч. С. 213.

¹⁶ ГАПО. Ф. р. – 465. Оп. 1. Д. 72. Л. 134.

¹⁷ ГАСПИСО. Ф. 1141. Оп. 2. Д. 26. Л. 70.

¹⁸ *Ширямов А.* На передовых позициях культурной революции. М., 1930. С. 21.

¹⁹ *Ножницкий Г.* Как организовать культпоход в деревне. М., 1930. С. 80.

²⁰ *Бондарев Д. А.* Ликвидация неграмотности. Цифры, факты, перспективы. М.-Л., 1929. С. 26.

²¹ *Куманев В. А.* Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967. С. 179.

²² Там же. С. 185.

²³ Культурное строительство в Пензенском крае 1917–1938 г. Документы и материалы / Сост. В. С. Годин. Саратов-Пенза, 1986. С. 257.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАРФ. Ф. р. – 3466. Оп. 12. Д. 322. Л. 125.

²⁶ *Винокуров Г. Ф.* Роль города в культурном строительстве села в годы первой пятилетки (на примере культпохода) // История краеведения. Пенза, 1993. С. 127–135.

²⁷ ГАПО. Ф. р. – 253. Оп. 1. Д. 205. Л. 46.

²⁸ ГАПО. Ф. р. – 253. Оп. 1. Д. 205. Л. 60.

²⁹ Что говорят массы о народном образовании. М., 1929. С. 67.